

Роман Михалыч

**Случайная
попутчица**

Роман Михалыч

Случайная попутчица

«Автор»

2026

Михалыч Р.

Случайная попутчица / Р. Михалыч — «Автор», 2026

Романтическая история любви с первого взгляда, без пошлости и цинизма.
Психологический детектив. Первая часть в двух главах.

© Михалыч Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Михалыч

Случайная попутчица

Глава I. Зимняя не сказка.

Начало нового, тысяча девятьсот восемьдесят второго года в Советском Союзе было обычным – серым и холодным. Ничто не предвещало событий, которые через девять лет навсегда изменят жизнь миллионов его жителей, разделив СССР на полтора десятка разных государств. Люди с утра привычно, еще затемно шли на работу по нечищеным тропинкам в снегу, и возвращались в сумерках – мимо освещенных витрин гастрономов, пока еще не привыкших к надвигающемуся дефициту. Зимние каникулы заканчивались, и дети с тоской смотрели сквозь календарь на уходящую в прошлое, первую декаду января.

Мне – четырнадцать, и это мои первые зимние каникулы у бабушки, в большом городе центрального Черноземья, который когда-то был мне родным. Сидя за столом в своей комнате, и глядя на заснеженные ветки деревьев в палисаднике, я доклеивал очередную сборную модель самолета для своей домашней коллекции. Такие наборы для самостоятельной сборки в то время были очень дорогими, как впрочем и сейчас, но давали предельно реалистичную модель в масштабе к реальному самолету. На полках магазинов они не залеживались, и купить такой набор было большой удачей. Меня огорчало то, что самые популярные модели отечественных лайнеров всегда раскупали быстрее, и мне никак не удавалось купить те, которые хотелось, и на которых уже летал.

Когда я собрался на вокзал за билетом на поезд домой – в далекий приволжский город, моя тетка предложила мне лететь самолетом. Разница в деньгах была не такая большая, но добраться до места можно было бы за какие-то четыре- пять часов, вместо полутора суток на поезде, включая пересадку в Москве. Идея мне понравилась, в том числе, как очередное приключение, но в тот момент я даже не представлял, каким оно окажется. Тем более, что появилась возможность вежливо отказать бабушке в двух трехлитровых банках варенья, которые она мне уже приготовила домой, в качестве гостинцев. Бабушка охала и причитала, но две банки поменьше, мне все-таки пришлось взять. Так же, она положила мне в сумку черную баночку прибалтийских шпрот в масле, чтобы перекусить в дороге.

В тот момент я подумал, что лететь недолго, а шпроты можно съесть уже дома. Вот ведь как бывает – ту баночку, вместе с другими дефицитными тогда консервами, присылал бабушке мой отец, выражая свою сыновью заботу и поддержку. Он чувствовал какую-то вину перед матерью, что женившись, не остался в родном доме, а уехал за женой на чужбину, оставив мать одну на старости лет. И теперь бабушка положила мне эту баночку в дорогу назад – в тот город, откуда она и пришла. Сборы были не долгими, а на самолет меня поехала провожать тетка, убедив бабушку остаться дома.

По дороге в аэропорт тетка сошла с трамвая на остановке возле ее работы, и я наконец почувствовал себя взрослым и самостоятельным. Рейс был утренним, на улице мела метель но было еще темно. Я с удивлением узнал, что лететь придется на среднемагистральном Як-40, который раньше я видел только в кино или на картинках. Это был уже снаружи очень маленький самолет, стоявший на полосе, с горящими круглыми окошками, и занесенный снегом. Современные бизнес-джеты для всего одного богатого упыря выглядят примерно так же. Мне показалось, что собравшиеся на посадку, три десятка замерзающих на ветру пассажиров, в него едва ли поместятся. Пассажиры думали примерно так же, и толпились наготове, подпиная друг друга локтями и сумками, чтобы первыми попасть в салон.

Надо заметить, что мой родной когда-то город, а точнее его жители, отличались от других граждан большой страны, какой-то демонстративной хамоватостью. Меня раздражали эти манеры, особенно в случаях, когда хамивший тебе человек, зная, что он хамит, при этом еще

и ехидно улыбался. Наглость и лицемерие были визитной карточкой города. И взрослые, и дети разговаривали одинаково грубо, причем независимо от расположения собеседника. И не важно где: дома, на рынке, в трамвае, или на улице. Думаю, что выражение «Хамло трамвайное» родилось именно здесь. На моей новой родине все было проще – если ты не нравишься – то никто тебе улыбаться уж точно не будет. Так же, если улыбаются – значит все в порядке. Ну и наоборот. Лишний раз люди друг другу не хамили, уже по тому, что в ответ можно было получить в челюсть, без разговоров. Более понятные и искренние эмоции.

Понемногу светало, но метель не утихала. Посадка в самолет, что меня сильно удивило, происходила с хвоста, как в грузовой Антонов. Пропустив вперед страждущих, которые переругиваясь и толкаясь, штурмовали шаткий трап, я приготовился к тому, что сидеть придется рядом с какой-нибудь жирной хабалкой, с чесночным перегаром, воющим дитём, и грязным баулом на коленках. Утешало то, что лететь до Москвы было всего около часа, а там – в другой аэропорт, где пересадка на родной Ан-24 до дома, и еще полтора часа полета. По сравнению с забитыми пригородными поездами в деревню – вполне приемлемо. Можно было и потерпеть.

Самолет внутри поразил меня своими крохотными размерами больше, чем его внешний игрушечный вид. Было, как в автобусе ПАЗ, даже меньше. Сиденья располагались в восемь рядов, по два с каждой стороны, вдоль низкого и узкого прохода. Как эта игрушка с пассажирами может взлететь, я даже боялся представить. Но вот прошел мимо экипаж, со стройной очаровательной стюардессой – Дюймовочкой, в форменном синем пиджаке, и короткой облегающей юбке. Я как-то сразу успокоился от широких улыбок капитана и второго пилота – уверенных подтянутых мужиков с летными погонами, которые по заставленному сумками проходу, привычно ловко прошли в свою кабину. Дюймовочка, упорхнула следом.

В салоне было темно, сверху подслеповато горели дежурные фонари. И тут только, я обратил внимание на пассажирку на соседнем кресле. До этого я просто боялся смотреть в ту сторону, не желая раньше времени увидеть рядом Годзиллу с детёнышами. Я нервно про-

тер лицо рукавом куртки, не веря своим глазам. На меня, как-то снизу вверх, доверчиво и с любопытством смотрело некое милое создание, пряча улыбку в пушистый ворот своего серого зимнего пальто.

Я в тот момент жутко смутился от столь приятного сюрприза, но виду старался не подавать. Запихал свою сумку между ногами под кресло, и стал ждать - что будет дальше. Вылет задерживался. Я пытался сохранять равнодушное лицо, боковым зрением изучая свою попутчицу, когда она робко тронула меня за рукав, и шепотом спросила: не знаю ли я, когда мы вылетаем. Голос был приятным, мягким, но уверенным. Наконец, я решил обернуться в ее сторону, тоже шепотом отвечая на ее вопрос что-то заумное - про погодные условия, видимость, турбулентность и боковой ветер. Она внимательно слушала, прямо глядя мне в глаза. В этом взгляде была и первая симпатия, и любопытство, и недоверие одновременно.

Она была старше меня - лет двадцати двух, спокойная, уверенная в себе. Из за пышного воротника из чернобурки, она казалась маленькой и хрупкой. Большие, красивые внимательные глазки блестели из под челки ухоженного карэ. Прямой носик, правильные черты славянского лица. На нем - яркие темные губы. В ушах - небольшие сережки с маленькими блестящими белыми камешками. Красивая ухоженные кисть взрослой женщины, доверчиво лежавшая на моем локте. Тонкий горьковатый запах дорогих духов. Легкое дыхание на моей щеке. Все это кружило мне голову больше, чем любая фантазия из подросткового сна.

В какой-то момент я просто онемел, и не знал, как мне дальше себя вести. Дюймовочка в микрофон объявила задержку рейса. Я молил, чтобы нас не вывели в здание аэропорта, где я вдруг могу потерять свою соседку. Экипаж сжалился, и нас не выгнали из самолета. Я продолжал молчать. Моя попутчица, видимо на это обиделась, и отвернулась к окну, разглядывая снежную поземку, которую ветер трепал по взлетной полосе. Здания аэропорта было не видно за серой пеленой. Рассвело. Пассажиры ерзали в своих креслах, переговаривались друг с другом, но не возмущались. Видимость и правда была нулевой.

Прошла вечность, объявили взлет. Все послушно пристегнули ремни. Попутчица обернулась ко мне. С соседнего кресла примирительно улыбнулись ее темные губы. Три мощных двигателя нежно подхватили маленький самолет, быстро разогнали, и легко толкнули его в образовавшийся узкий просвет между облаками. Я почувствовал ее плечо, прижавшееся ко мне. Рука с аккуратными ноготками вернулась на мой локоть. Она явно боялась летать. Набрали высоту. Пассажиры облегченно выдохнули. Лайнер сделал крутой разворот, и у двери в кабину пилотов вновь материализовалась изящная тень Дюймовочки, которая с милой улыбкой, и с плохо скрываемым сочувствием к нам, объявила, что мы уходим на запасной аэродром Белгорода, что в сотне километрах в противоположную сторону.

Салон зароптал, но Дюймовочка мило наврала, что погода скоро наладится, и исчезла так же таинственно, как и появилась. Немногочисленные мужчины ей дружно поверили. В Белгороде нас выгнали из теплого салона самолета, и привезли в промозглый зал старого аэропорта на запасном аэродроме. Здание имело современные, по тем временам, большие алюминиевые окна, но продувалось оно насквозь также, как дощатый угольный сарай у моей бабушки. Мне удалось разыскать облезлый буфет с длинной очередью и деревянными булочками с холодным желтым чаем. В любом случае, это было лучше, чем совсем ничего. В суматохе мы разминулись с моей попутчицей, и она оживленно болтала с какой-то теткой в зале ожидания, стреляя

в мою сторону голодными блестящими глазками. Они были далеко, и булочкой с чаем я с ней делиться не стал.

Вылетели только после обеда. Зимний день клонился к вечеру, а мы все еще болтались в воздухе, и конца этому полету было не видно. Разговаривать уже никому не хотелось, да и все насущные темы были и так очевидны. Всем просто хотелось домой. Принесла напитки и крошечные конфетки «Дюшес». Наконец, уже в сумерки, облетев столицу родины по кругу, наш бедный Як-40, пустили на посадку в Шереметьево-2, что на другом конце города. Но мы были безумно рады и этому, в отличие от недовольных тёток, с их многочисленными сумками, баулами и чемоданами, которым предстояло со всем этим добром тащиться дальше. В Шереметьево их никто не встречал. Как впрочем и нас. Предстояло как-то самостоятельно добираться: ей - во Внуково, а мне - в Домодедово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.